
РЕЦЕПЦИЯ ВОСТОЧНОГО МОТИВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.Н. РАДИЩЕВА И И.А. КРЫЛОВА

А.О. Шелемова, Фаэзех Каримиан

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена сравнительному анализу двух образов восточных правителей и их придворной элиты — из повести Крылова «Каиб» и главы «Спасская Полесь» книги Радищева «Путешествие их Петербурга в Москву» — в аспекте аллегорического использования жанровой формы «восточной повести» как литературно-политической утопии.

Ключевые слова: Восток, правитель, монарх, путешествия, сон, самодержавие.

Одним из самых значимых обличительных произведений русской литературы XVIII века является восточная повесть «Каиб» И.А. Крылова. По проблематике это произведение перекликается с эпизодом, повествующим о сне путешественника, включенным в главу «Спасская Полесь» книги «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, где также изображены и самодержавный правитель, и его раболепствующие царедворцы. В обоих текстах важное место занимает «прозрение» государя, помогающее ему увидеть окружающий мир в его истинном виде. Большинство литературоведов не исключают определенного влияния на произведение Крылова книги Радищева, вышедшей в 1890 г., т.е. всего за пару лет до журнала «Зритель». Думается, что это предположение не вполне обоснованно.

Во-первых, вряд ли книга Радищева была доступна Крылову. Как известно, «Путешествие из Петербурга в Москву» было напечатано в домашней типографии писателя. Понимая опасность репрессии, Радищев передал для продажи в Гостинный двор только 25 экземпляров книги. Реакция Екатерины II была гневной: «Тут рассеивание заразы французской: отвращение от начальства... — записал в своем дневнике секретарь императрицы А.В. Храповицкий — Сказывать изволила, что он бунтовщик хуже Пугачева» [1. С. 12]. Накануне ареста Радищев весь тираж уничтожил. Приобрести книгу было практически невозможно.

Во-вторых, обличительный пафос в каждом из произведений различен. В книге Радищева отражены проблемы современной российской политики, проводимой императрицей, критическое изображение которой он наиболее ярко представил в аллегорическом «сне путешественника». Крылов же создал сатирическое произведение в популярном в то время жанре политической утопии. Если он и следовал каким-либо предшествующим образцам, то ими можно считать, к примеру, «восточные повести», напечатанные в журналах Н.И. Новикова, или «Золотой прут» М.М. Хераскова. Книга Радищева — это не сатирическое, а гневное политическое обличение.

Внешним образом сюжетных аналогий в обоих текстах можно отметить довольно много: владыка-тиран, мнящий себя идеальным монархом, его чудесное

прозрение; волшебница, помогающая деспотичному властителю увидеть окружающий мир в истинном виде; услужливые придворные; описание дворцовой роскоши; использование мотива сновидения. В развязке обоих сюжетов присутствует идентичная мысль: нравственное перерождение и превращение деспота в просвещенного монарха — утопия.

В начале сравниваемых текстов дается описание великолепия и богатого убранства дворца. Приведем краткий, но весьма показательный отрывок из повести Крылова:

«Внутреннее великолепие дворца поражало всякого, кто туда не входил... *золото, жемчуг и каменья*... Там, на великолепных *пьедесталах*, блистали Каибовых предков *бюсты*, которые высокостью работы не уступали своим высоким подлинникам. Внутренние комнаты его убраны *коврами*... редкой красоты и цены... *Зеркала* его хотя были по двенадцати аршин длиною... но не столько почитались редкими по своей величине, как по свойству, данному им некоторою волшебницею: зеркала сии имели дар показывать вещи в тысячу раз прекраснее, нежели они есть...» [4. С. 596].

Крылов перечисляет традиционные для «восточной» повести предметы дворцового убранства — золото и драгоценности, бюсты, ковры, зеркала. Радищев же, создавая общий фон блеска золота и драгоценных металлов, акцентирует символы власти:

«Место моего восседания было из чистого золота, и хитро искладенными драгми разного цвета камнями блистало лучезарно... Вокруг меня лежали **знаки**, власть мою изъявляющие. Здесь меч лежал на столпе, из серебра изваянном, на коих изображались морские и сухопутные сражения, взятие городов и прочее сего рода... Тут виден был **скипетр** мой, возлежащий на снопах, обильными класами отягченных, изваянных из чистого золота. На твердом коромысле возвешенные зрелися **весы**. В единой из чаш лежала книга с надписью *Закон милосердия*; в другой же книга с надписью *Закон совести*...» [5. С. 23—24].

В «сне путешественника» внимание сосредотачивается не на изображении богатства и изобилия шаха, и даже не на драгоценных аксессуарах власти, а на деяниях монарха, символизируемых этими предметами. Детали дворцовой атрибутики не воспринимались отвлеченно-аллегорически, поскольку представляли конкретное описание Зала общего собрания Правительствующего Сената. Из всех заслуг императрицы истинными были лишь военные, символизируемые мечом: при Екатерине II территория Российской империи значительно расширилась благодаря завоеванию южных (Крым) и западных (Украина, Польша) земель.

Золотой сноп с обильными колосьями оказался иллюзорным символом крестьянского благополучия подобно потемкинским деревням, как эфемерной была и идея монархини о справедливом законодательстве. Попытка созыва комиссии по составлению Нового Уложения потерпела провал. Радищев не случайно изобразил все приписываемые императрице заслуги в скульптурных символах, то есть, застывших, окаменевших, мертвых. В одной из глав книги он открыто высказался, что «крестьянин в законе мертв».

Изображение мнимых достоинств «просвещенного» монарха в повести Крылова абстрагировано, Радищев конкретно разоблачал иллюзорный авторитет «просвещенного правления» российской императрицы.

Автор «Каиб» при описании дворцовой роскоши употребил художественный прием «двойного зеркального отображения». Заглавный герой прекрасно знал волшебное свойство зеркал и использовал их, забавы ради, «видя, как отвратительнейшие лица перед своими зеркалами спорят о своей красоте...» [4. С. 596—597]. Этот прием в «сне путешественника» Радищев возводит в ранг доминантного сюжетного, идейного и композиционного принципа.

Книге предпослан эпиграф: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй». Эта строчка взята автором из 18 песни поэмы В.К. Тредиаковского «Тилемахида» в слегка перефразированном варианте.

Телемак, сын Одиссея, спускается в ад и видит там мучения злых царей. В наказание царям приносят два зеркала: зеркало Лести и зеркало Истины. В первом они видят себя такими, как их при жизни изображали придворные льстецы; во втором — какими они были на самом деле: страшнее и ужаснее, чем трехглавый пес Цербер и стоглавая Лернейская гидра. В радищевском варианте оба чудовища объединены в одно. Аллегория этого страшного чудища — российское самодержавие. Так главная тема книги названа уже на титульном листе, в эпиграфе.

Антиномия «двух зеркал» использована далее писателем в «сне путешественника», хотя сам прием скрыт в подтексте, ключом к которому является эпиграф.

Волшебница-целительница, которая представилась Истиной-Прямовзорой, не побоялась честно сказать шаху о его слепоте, сняла бельма с глаз правителя, и он увидел все в истинном свете:

«Одежды мои, столь блестящие, казались замараны кровью и омочены слезами. На перстах моих виделися мне остатки мозга человеческого; ноги мои стояли в тине... Знаки военного достоинства не храбрости были уделом, но подлого раблепия... Обширные земли и многочисленные народы изрождалися из кисти сих новых путешественников... Вместо того чтобы в народе моем чрез отпущение вины прослыть милосердным я прослыл обманщиком, ханжою и пагубным комедиантом...» [5. С. 29—30].

В обоих произведениях «прозревшие» государи представлены как жертвы, доверившиеся своим приближенным.

Используя приемы сатирического изображения монархической власти, Крылов показывает придворную жизнь в пародийной манере. Подобным способом описывается государственный совет — «диван».

Возглавляет «диван» «человек больших достоинств» Дурсан, который «служит отечеству бороною», и в этом его главное «достоинство» [4. С. 600]. Он является прилежным сторонником самых жестких мер реализации мифического государственного закона. Чтобы добиться от народа исполнения любого указа, следует, по его мнению, только лишь повесить первую дюжину любопытных.

Другой советник халифа, представленный «потомком Магомета» и «верным музульманином» — Ослахид — с удовольствием рассуждает о власти и о законе,

не понимая и не стремясь осмыслить их истинного назначения. Он, «не исследуя своих прав, старался только ими пользоваться» [4. С. 601]. Мнение Ослашида о жизни в государстве зиждется на религиозной догме: воля правителя приравнивается к праву самого Магомета, для «рабства» коему создан весь мир.

Еще один важный представитель «дивана» — Грабилей — преуспевает, потому что научился «обнимать ласково того, кого хотел удавить; плакать о тех несчастьях, коим сам был причиною; умел кстати злословить тех, коих никогда не видал; приписывать тому добродетели, в ком видел одни пороки» [4. С. 602].

«Диван», чье прямое назначение непосредственно осуществлять власть в государстве, преследует лишь эгоистические цели; его самые «авторитетные» представители жестоки, глупы, лицемерны и корыстны.

Аналогично описание придворной свиты в «сне путешественника» Радищевым — те же лезть и лицемерие:

«При улыбке моей развеялся вид печали, на лицах всего собрания поселившийся: радость проникла сердца всех быстротечно, и не осталось косога вида недовольствия нигде. Все начали восклицать:

— Да здравствует наш великий государь, да здравствует навеки...

Иной вполголоса говорил:

— Он усмирил внешних и внутренних врагов, расширил пределы отечества, покорил тысячи разных народов своей державе.

Другой восклицал:

— Он обогатил государство, расширил внутреннюю и внешнюю торговлю, он любит науки и художества...

Юношество, с восторгом руки на небо простирая, рекло:

— Он милосерд, правдив, закон его для всех равен... Он законодатель мудрый, судия правдивый, исполнитель ревностный... он вольность дарует всем» [5. С. 25].

Крылов изобразил «диван» в сугубо пародийной манере, Радищев же использовал аллегорию. В хвалебных тирадах придворных подхалимов узнаваемы некоторые реальные, но в большинстве случаев только сулимые предприятия и действия российской императрицы Екатерины, прославленные придворными одописцами-славословами. На новом витке сюжетного развития Радищев еще раз развенчивает мнимые заслуги, приписываемые Екатерине: роспуск Уложенной комиссии, беспощадную цензуру при либеральном обещании бесцензурной критики. Что же касается лозунга о «расширении пределов отечества и покорении тысяч разных народов своей державе» критическая точка зрения писателя, высказанная окказионально, в подтекстовом намеке, впоследствии открыто прозвучит в ироническом стихотворении Ал.К. Толстого:

«Madame, при вас на диво
Порядок расцветет, —
Писали ей учтиво
Вольтер и Дидерот, —

Лишь надобно народу,
Которому вы мать,
Скорее дать свободу,
Скорей свободу дать».

«Messieurs, — им возразила
Она. — Vous me comblez, (вы слишком добры ко мне)
И тот час прикрепила
Украинцев к земле (курсив наш — А.Ш., Ф.К.) [2]

Какой же результат ситуации прозрения монархов заключает сюжеты в обоих произведениях?

Крылов закончил повествование идиллически: к праведной жизни калифа возродила любовь к бедной девушке Роксане, которую он возвел «на свой трон, и супруги были столь верны и столь много любили друг друга, что в нынешнем веке почли бы их сумасшедшими и стали бы на них указывать пальцами» [4. С. 609]. Автор повести перевел критику в бытовую ситуацию. Только намек на давнюю историю в некоей восточной стране, а также невозможность подобной счастливой развязки в «нынешнем веке» позволяет предположить о недвусмысленности отношения Крылова к современной ситуации в Российской «просвещенной» империи. Однако какой-либо позитивной политической программы Крылов не предлагает, он обличает, «с одной стороны, самодержавие, а с другой стороны, ничность просветительской общественно-политической мысли» [3. С. 311].

Радищев изобразил искренний гнев прозревшего монарха:

«Недостойные преступники, злодеи! вещайте, почто во зло употребили доверенность господя вашего? предстаньте ныне пред судию вашего. Вострепещите в окаменелости злодеяния вашего» [5. С. 31],

и ... разбудил своего героя-путешественника, который, очнувшись от сна, в реальности понял, что виденная им история — просто сновидение:

«Властитель мира, если читая сон мой, ты улыбнешься с насмешкою или нахмуришь чело, ведай, что виденная мною странница отлетела от тебя далеко и чертогов твоих гнушается» ([5. С. 31].

Пробуждением путешественника Радищев отринул все иллюзии о справедливом, «просвещенном» правлении в условиях абсолютизма. В главе «Тверь», включающем оду «Вольность», он проповедует низвержение «стоглавой гидры» — самодержавного правления, на смену которого должна придти демократическая республика.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Цит. по: *Бегунов Ю.К.* «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева. — М., 1983.
- [2] Русская классика. — URL: <http://rupoem.ru/tolstoj/poslushajte-rebulata-ch>
- [3] *Кубачева В.Н.* «Восточная» повесть в русской литературе XVIII — начала XIX века // XVIII век. Сб. 5. — М.; Л., 1962.
- [4] *Крылов И.А.* Каиб. Восточная повесть // Русская литература XVIII века. Хрестоматия / Сост. Г.П. Макогоненко. Л., 1970.
- [5] *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. — Л., 1984.

THE PERCEPTION OF ORIENTAL MOTIFS IN THE WORKS BY A.N. RADISHCHEV AND I.A. KRYLOV

A.O. Shelemova, Faezech Karimian

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Makaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The comparative analysis of two images of Eastern rulers and their court elite — in the story «Kaib» of Krylov and in the chapter «Spasskaya Polest» of Radishchev's book «Journey from Petersburg to Moscow» presented in the article. The stories are analysed in the aspect of allegorical using of the genre «oriental story» as a literary-political utopia.

Key words: East, ruler, monarch, travelling, dream, monarchy.